

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

НОВАЯ РУССКАЯ МЕЧТА: ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Денис Волков, Андрей Колесников

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

НОВАЯ РУССКАЯ МЕЧТА: ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Денис Волков, Андрей Колесников

Данное издание подготовлено Московским Центром Карнеги — представительством Фонда Карнеги за Международный Мир (США), являющегося некоммерческой неправительственной исследовательской организацией, при финансовой поддержке Carnegie Corporation of New York.

Фонд Карнеги за Международный Мир и Московский Центр Карнеги как организация не выступают с общей позицией по общественно-политическим вопросам. В публикации отражены личные взгляды авторов, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Данная публикация предназначена исключительно для личного использования и не подлежит воспроизведению, распространению или переработке без письменного разрешения Московского Центра Карнеги или Фонда Карнеги за Международный Мир. Запросы на перепечатку направляйте, пожалуйста, в Московский Центр Карнеги.

Россия, 125009, Москва,
Тверская ул., д. 16 стр. 1
Тел.: +7 (495) 935-89-04
Факс: +7 (495) 935-89-06
info@carnegie.ru

Эта публикация может быть бесплатно загружена с сайта
<http://www.carnegie.ru>.

Содержание

Об авторах	v
Краткое содержание	1
Предисловие. Частное и государственное в отсутствие публичного	3
Квартира — машина — дача	9
Приватизация, разгосударствление, передел	10
Сколько государства?	13
Рыночные практики или работа на государство	16
Предприниматели: «дух капитализма» в действии	22
Защита прав: собственный опыт и представления о механизмах	26
Вместо заключения: обрести желаемое будущее	30
Примечания	31
Московский Центр Карнеги	35

Об авторах

Денис Волков — аналитик, руководитель отдела прикладных социологических исследований «Левада-Центра». Автор работ о российском гражданском обществе, протестной активности, механизмах поддержки высоких рейтингов власти. Имеет степень магистра политической науки Московской высшей школы социальных и экономических исследований и Манчестерского университета.

Андрей Колесников — руководитель программы «Российская внутренняя политика и политические институты» Московского Центра Карнеги, колумнист газеты «Ведомости» и интернет-издания «Газета.Ru», член правления Фонда Егора Гайдара, член Комитета гражданских инициатив.

Краткое содержание

Отношение ко всему частному в России неизменно было очень специфическим, что обусловлено и историческими обстоятельствами, и трудностями транзита к рынку, и авторитарными тенденциями последних лет. Совместное исследование Московского Центра Карнеги и «Левада-центра»¹ показывает, что представления о россиянах как твердых сторонниках всего государственного и пассивных участниках общественных и экономических процессов не слишком точны. Для своих детей большинство россиян выбирают будущее, совсем не похожее на сегодняшний день: их успех они связывают с частными инициативами в рыночной экономике.

Ключевые выводы

- Возможности собственников в России зависят от близости к государственной власти и ее ключевым фигурам. А это, в свою очередь, означает неустойчивость права собственности.
- Система «власть — собственность» ориентирована на извлечение ренты за счет монопольных возможностей государства (и близости к нему). По сути дела, речь идет о политической коалиции, где контроль над собственностью сочетается с контролем над применением аппарата насилия.
- Один из механизмов самосохранения системы «власть — собственность» — коллективное преемничество: в 2024 году поколение сыновей соратников Путина получит в наследство по крайней мере часть страны в виде активов, существующих в этой системе.
- Частная собственность в представлении граждан — это, прежде всего, квартира, а также машина, дача, участок земли. Для почти половины населения проблемы предпринимательства по умолчанию не связаны с проблемами частной собственности.
- Приватизация начала 1990-х в сознании людей ассоциируется в первую очередь с нечестным переделом крупной собственности и в гораздо меньшей степени — с приватизацией квартир (от чего выиграло большинство граждан) и возможностями для свободного ведения бизнеса (в том числе «малой» приватизацией магазинов, парикмахерских

и т. д.). Отсюда вывод респондентов: основные выигравшие — олигархи и бюрократия. При этом «иммунитета» у новых властей нет: граждане так же плохо относятся к переделу нулевых и десятых годов, как и к приватизации 1990-х.

- Большая часть людей считает присутствие государства в экономике недостаточным, однако такой позиции в большей степени придерживаются люди старших возрастов, малообеспеченные и нуждающиеся в поддержке государства. В целом массовая поддержка государственного регулирования вызвана непониманием того, как еще можно добиться улучшений социально-экономической ситуации и как в принципе работает экономика.
- Люди остро чувствуют несправедливость тех или иных шагов в перераспределении собственности со стороны государства, но, не зная иного института редистрибуции богатства, видят именно в государстве собственника крупных предприятий и арбитра.
- При этом речь идет не о чисто патерналистском поведении: респонденты позитивно относятся к рыночной экономике; они хотели бы, чтобы их дети стали успешными частными хозяевами и предпринимателями.
- По прошествии более четверти века существования в рыночных условиях российские граждане, несмотря на все сложности нового уклада, недоверие к приватизации и крупному бизнесу, в большинстве своем считают частные предприятия более эффективными, чем государственные.
- Исследование обнаруживает позитивное отношение населения к предпринимательской активности. Почти половина респондентов хотела бы работать на себя (быть самозанятыми или открыть собственное дело). А для детей желали бы этого около 60 % опрошенных.
- Предприниматели, по сравнению с другими группами, обнаруживают — по крайней мере на словах — большую расположенность к активной гражданской позиции и лучше других понимают прямую связь между наличием работающих демократических институтов и средой, благоприятной для развития бизнеса и экономики.

Предисловие. Частное и государственное в отсутствие публичного

Замысел изучить отношение россиян к частной собственности — и, шире, ко всему частному (пространству, инициативе, правам) — возник после разговора с одним из представителей провинциального среднего бизнеса. Исследователь, заметил он, обращают внимание на периферийные сюжеты, а для человека, который сам выстраивает свою жизнь и свое дело, нет ничего важнее соблюдения права частной собственности. Ключевая проблема страны, продолжил наш собеседник (человек очень энергичный, прошедший все этапы становления российской экономики и политической системы, то есть заставший конец 1980-х — начало 1990-х), в пренебрежении частной собственностью — прежде всего со стороны государства.

Мы вспомнили и о нашем совместном исследовании, проведенном два года назад, — о самоорганизации гражданского общества на примере Москвы². О защитниках дворов и парков и о возникновении среди самых обычных, неполитизированных жителей городских кварталов чувства гражданина — по крайней мере гражданина своего собственного двора, парка, сквера. Тогда мы назвали это пробуждающееся гражданское сознание «дворовым суверенитетом». Имелось в виду, что человек, столкнувшийся с вторжением внешней силы (власти или тех, кто находится в партнерских отношениях с ней), будет защищать пространство, которое он считает своим, то есть частное. Сумма пространств, понимаемых как частные и нуждающиеся в защите, — это пространство публичное (например, старый любимый двор, где грубая внешняя сила, заручившись разрешением властей, решила построить небоскреб). И оно тоже нуждается в защите, причем коллективными усилиями «дворовых граждан». Конечно, от артикуляции своих частных интересов и понимания «суверенитета» публичного пространства в виде двора или парка до осознания страны как общего публичного пространства путь очень далекий. Но несколько шагов в эту сторону сделано.

Понимание того, что публичное не означает государственное, всегда было слабой стороной российского восприятия собственности. По словам Максима Трудолюбова, «русское право хорошо понимало, что такое казенное и что такое частное имущество, но не понимало, что такое

имущество общественное (публичное)... Развитию права общественной собственности мешало представление о владении как о праве, гарантированном монархом»³. В советском праве эта проблема решалась одновременно и проще, и изощреннее. Как писал классик советской цивилистики Анатолий Венедиктов, ссылаясь на формулу сталинского прокурора Вышинского, «носителем права собственности... является советский народ в лице его социалистического государства. Отдельные же госорганы лишь управляют находящимися в их ведении частями этого единого фонда, но не являются собственниками таковых»⁴.

Все частное, публичное, казенное проваливалось в черную дыру государственной, она же народная, собственности (а государство было — в терминах советского марксизма-ленинизма — общенародным). Многие политические учения уравнивают суверена и народ, и в этом смысле советская концепция («народ и партия едины») шла по проторенному руслу средневековой доктрины «двух тел короля» и теорий Карла Шмитта⁵. Частному в такой модели не оставалось места, или оно имело право называться «личным».

После буржуазной революции 1991 года в России «личное» трансформировалось в частное. Сам же процесс появления частной собственности в постсоветской России точнее называть не приватизацией, а разгосударствлением — отъемом, присвоением или получением от государства фрагментов собственности в частное пользование, иной раз на шаткой правовой основе и с эфемерной защищенностью активов. Вот как описывал этот процесс Симон Кордонский, который оценивает структуру общества постсоветской России как сословную, где каждое сословие имеет ренту в соответствии со своим «весом» в социально-политической иерархии: «При распаде советской системы возникло огромное количество ранее „общенародных“ и по сути бесхозных ресурсов. Освоение этих ресурсов, их расхищение и превращение в товары и деньги, сопряженное с превращением расхитителей в рыночных агентов, составляли содержание социальных процессов до конца XX века»⁶.

Столь специфическое происхождение частной собственности из государственной больше напоминает эволюцию феодализма и трансформацию его в капитализм. Однако драма российской приватизации состояла даже не в этом, а в том, что собственность впоследствии стала (или изначально была) квазичастной или парагосударственной. Такова суть олигархического капитализма по-русски: власть и собственность едины; тот, кто имеет политическую власть, имеет и собственность, особые права на нее. В результате собственность оказывается не до конца частной — она получастная-полугосударственная.

Могущество и возможности собственников проистекают из близости к государственной власти и ее ключевым фигурам, прежде всего «суверену». Такой порядок вещей, в свою очередь, означает неустойчивость

права собственности: несоблюдение политических правил и ухудшение отношений с государством и его аппаратом насилия могут лишить собственника всех его прав, только внешне казавшихся незыблемыми. Доходы же его — частные доходы! — могут в любой момент понадобиться государству, которое оценит их как «сверхприбыль», полученную исключительно за счет благоприятной конъюнктуры. Есть же такое понятие в современной российской политической системе, как «социальная ответственность» бизнеса. История августа 2018 года, когда помощник президента Андрей Белоусов предложил изъять «сверхдоходы» у химических и металлургических компаний, весьма симптоматична: государство считает себя вправе изымать деньги у крупных частных собственников в логике «делиться надо!»⁷. В конце концов, оно этих квазирыночных олигархов породило, оно и делает с ними все, что хочет.

Получается, что собственность и право извлекать из нее доход были дарованы патроном клиенту за «близость к телу» и — в ряде случаев — за службу. Подобного рода происхождение права собственности не превращает его в «священное и неприкосновенное». Если служба оказывается неуспешной с точки зрения патрона и (или) его аппарата насилия, собственность отбирается «на законных основаниях». Тот же Венедиктов в своей фундаментальной работе «Государственная социалистическая собственность» вспоминал историю сабинской виллы Горация, подаренной ему патроном Меценатом. Эту усадьбу «любитель села» Гораций, умирая, завещал новому патрону — Октавиану Августу, причем лишь потому, что боялся, что после его смерти виллу все равно конфискуют в пользу императора⁸. Венедиктов цитирует историка Ивана Гревса: «Гораций как будто сам понимает, что собственность его, полученная от патрона, при сохранении клиентских отношений, в известном смысле остается в зависимости от пожалователя»⁹. Славословия Горация Августу («Только тебя одного спешим мы почтить и при жизни ставим тебе алтари...»¹⁰) напоминают панегирики, которые производили в индустриальных масштабах советские рифмоплеты «о Сталине мудром, родном и любимом», за что, как и древнеримский поэт, получали свои «виллы». А характер отношений собственности похож на патрон-клиентские связи высших должностных лиц государства и главных фигур олигархии: еще в 2007 году в интервью The Financial Times Олег Дерипаска выразил готовность в любой момент отдать «Русал» государству: «Если государство скажет, что мы должны отказаться от компании, мы откажемся. Я не отделяю себя от государства. Мне просто повезло. Считайте, что богатство свалилось на меня с неба». И ведь действительно — с неба...¹¹

Это свойство унаследовано современным российским государством и обществом в рамках того, что принято называть «эффектом колеи»

**Могущество и возможности собственников
проистекают из близости к государственной
власти и ее ключевым фигурам.**

Политическая неопределенность является одновременно и следствием, и причиной неустойчивой ситуации с собственностью.

(path dependence). Еще Ричард Пайпс в своей классической работе «Россия при старом режиме» отмечал: «Россия принадлежит *par excellence* к той категории государств, которые политическая и социологическая литература обычно определяет как вотчинные [patrimonial]. В таких го-

сударствах политическая власть мыслится и отправляется как продолжение права собственности, и властитель (властители) является одновременно и сувереном государства, и его собственником»¹².

Если возвращаться к формуле Вышинского, согласно которой общенародная собственность передана в управление госорганам, при нынешнем режиме государственная собственность (ее самые крупные фраг-

менты) как бы передана в управление олигархам — квазичастным владельцам. Это, как выразился политик Григорий Явлинский, «государева собственность, отданная на кормление»¹³.

Но и этим не исчерпывается «большая картина» прав собственности в России. В российской модели государство — это обладатель ресурса. Общество поделено на сословия, требующие от ресурсного государства, чтобы оно делилось с ними. В своем стремлении избежать социальной напряженности государство действительно делится с сословиями, перераспределяя национальное богатство так, чтобы сохранить политический *status quo* и общественное спокойствие. Отсюда и гипертрофированное внимание не к развитию конкуренции и простым правилам игры в рыночных секторах, а к пополнению государственного бюджета.

«Россия была и остается ресурсным государством, — писал Симон Кордонский, — в котором ресурсы не преумножаются, а распределяются — делятся между сословиями»¹⁴. Сословно-рентно-ресурсно-распределительная система крайне неэффективна, она видит лишь в государстве источник благ. В политическом смысле на базе такой конструкции воспроизводится патерналистская модель, а государственный бюджет становится одним из инструментов покупки политической лояльности различных социальных групп и сословий.

Система «власть — собственность» ориентирована на извлечение ренты за счет монопольных возможностей государства и близости к нему. По сути дела, речь идет о политической коалиции, где контроль над собственностью сочетается с контролем над применением аппарата насилия. Отсюда и коммерциализация насилия, когда некоторые бизнес-группы, близкие к силовым органам, имеют возможность решать свои «бизнес-вопросы», деликатно выражаясь, неконкурентным образом¹⁵.

Все это порождает проблему, связанную с передачей частной собственности из поколения в поколение. Право владения, пользования и распоряжения собственностью должно быть, как было сказано в Своде законов дореволюционной России (1832), «вечно и потомственно»¹⁶, иначе оно

эфемерно. В современной России все наоборот. Один из самых успешных российских предпринимателей Рубен Варданян отмечает: «Еще одна проблема — отсутствие уважения к частной собственности. Нет желания ассоциировать себя с ней, потому что завтра у тебя могут все отнять. Поэтому нет предметов гордости, брендов, с которыми себя идентифицируешь: я представитель такой-то семьи в пятом поколении. Я считаю, что отношение к частной собственности — это один из ключевых вызовов нашего общества»¹⁷.

Политическая неопределенность является одновременно и следствием, и причиной столь неустойчивой ситуации с собственностью. По словам Максима Трудолюбова, «тем обществам, которые сумели обеспечить преемственность собственности, часто удавалось добиться и преемственности в политической жизни»¹⁸. У нас этот феномен существует, но в искаженном виде, как своего рода передача государства по наследству — от основных политических игроков к их сыновьям, получающим высокие должности в государственных банках и компаниях. Теперь это «наследование» происходит и в собственно государственной иерархии: при формировании правительства весной 2018 года пост министра сельского хозяйства получил Дмитрий Патрушев — сын входящего в ближний круг Владимира Путина Николая Патрушева. Благодаря такому механизму коллективного преемничества в 2024 году поколение сыновей соратников Путина получит в наследство часть страны в виде активов, существующих в системе «власть — собственность». Вместо нормальных механизмов передачи частной собственности по наследству формируется схема передачи по наследству государства как актива, причем в рамках всего нескольких десятков семей¹⁹. Конечно, речь идет не обо всей стране, но о весьма важных и дорогих фрагментах собственности.

Столь двусмысленный статус крупной собственности, а также вопросы к ее легитимности, пожалуй, и спровоцировали массовое недоверие к происхождению богатств в современной России, а иногда и негативное отношение к частному бизнесу как таковому, даже если он по-настоящему частный, а не олигархический. Тем не менее и наши опросы, и результаты фокус-групп показывают, что это отношение амбивалентно. Многие люди, пусть сами и не желающие становиться предпринимателями, хорошо относятся к малому и среднему бизнесу; они сочувствуют тем, кто начал свое дело, но столкнулся с произволом бюрократии и бандитов. Больше того, свобода частной инициативы иногда понятнее политических прав. Она кажется более важной и «приземленной», притом что большинство граждан не видит связи между устройством политического режима и нарушениями права собственности. Возможно, через ощущение и осознание своего частного пространства придет и понимание взаимозависимости политического и гражданского, политических основ государства и соблюдения права на все «частное».

Что-то очень крупное и близкое к государству оценивается как не вполне честное и справедливое. Однако как только речь заходит о собственности, частном пространстве, бизнесе «низового» уровня, срывается категория справедливости. Например, участники фокус-групп считают, что мэрия поступала правильно, когда сносила частные лавочки вокруг метро: город становился красивее и чище. Но в то же время несправедливо, что владельцы торговых павильонов не получили компенсации или с ними обошлись слишком грубо, ведь многие из них владели ларьками на законных основаниях. Интуитивно — не рационально! — существенная часть граждан понимает смысл справедливости права собственности практически так же, как в начале первого тысячелетия нашей эры это трактовали классические римские юристы: «Ведь ничто не соответствует так естественной справедливости, как подтверждать в праве... волю собственника»²⁰. В сущности, значительная часть населения страны, пусть и патерналистски настроенная, готова рассуждать как герой знаменитой антисталинистской повести Василия Гроссмана «Все течет»: «Я раньше думал, что свобода — это свобода слова, печати, совести. Но свобода — она вся жизнь всех людей, она вот: имеешь право сеять что хочешь, шить ботинки, пальто, печь хлеб, который посеял, хочешь продавай его и не продавай...»²¹

Понятие «пространство свободы» — одно из ключевых в программе возможных реформ, подготовленных командой Алексея Кудрина из Центра стратегических разработок, — попало даже в выступление Владимира Путина на Петербургском международном экономическом форуме в 2018 году²². Однако это скорее словесная интервенция: практика правоприменения свидетельствует о том, что пространство свободы как раз последовательно сужается, даже если мы говорим исключительно об экономической сфере. Но в том-то и дело, что нет никакой исключительно предпринимательской, инвестиционной или экономической среды — есть общеполитическая, определяющая, в свою очередь, и собственно социально-экономический климат. А политические и гражданские права неотделимы от экономических, социальных, трудовых. Эту мысль хорошо сформулировал философ Сергей Лезов, причем еще на закате перестройки: «„Пространство свободы“ — это прежде всего свобода собственности. Правовой институт частной собственности — единственный демократический институт, без которого не может существовать общество как самостоятельная величина, отличная от государства. Право частной собственности — не одно из «социально-экономических прав», а *основа* классического каталога гражданских и политических прав человека, то есть основополагающее *политическое* право»²³.

Едва ли стоит удивляться тому, что представления о частной собственности и «частном» в современной России столь противоречивы и иной раз рудиментарны — иногда кажется, что у нас спустя два тысячелетия не

произошло даже рецепции римского частного права²⁴. История России, в том числе постсоветская, полна разнообразных противоречий. И правовое сознание в целом, и рефлексия по поводу частной собственности неизбежным образом несут на себе печать исторических событий и представлений о добре и зле, сформулированных государственной властью. Практический же опыт учит скорее навыкам изворотливости и выживания, чем соблюдению стабильных и справедливых правил. Если правила нестабильны и несправедливы, неоткуда взяться безукоризненному гражданскому и правовому сознанию.

Квартира — машина — дача

Что такое частная собственность для рядового российского гражданина? Инерция советских представлений о частном необычайно сильна: знаменитая формула еще доперестроечных времен «квартира — машина — дача» воспроизводится буквально. Тогда это называлось «личной собственностью», и до сих пор для большинства частное — это скорее «личное». А именно то, что государство по логике вещей отобрать не может. Или может, но это крайне проблематично. 93 % участников опроса считают образцом частной собственности квартиру, 83 % — машину, 81 % — дачу, садовый участок (рис. 1). Это еще и показатель того, *что* является наиболее естественным и доступным для обычного гражданина или становится предметом его самых важных бытовых желаний, целью любых усилий и зарабатывания денег.

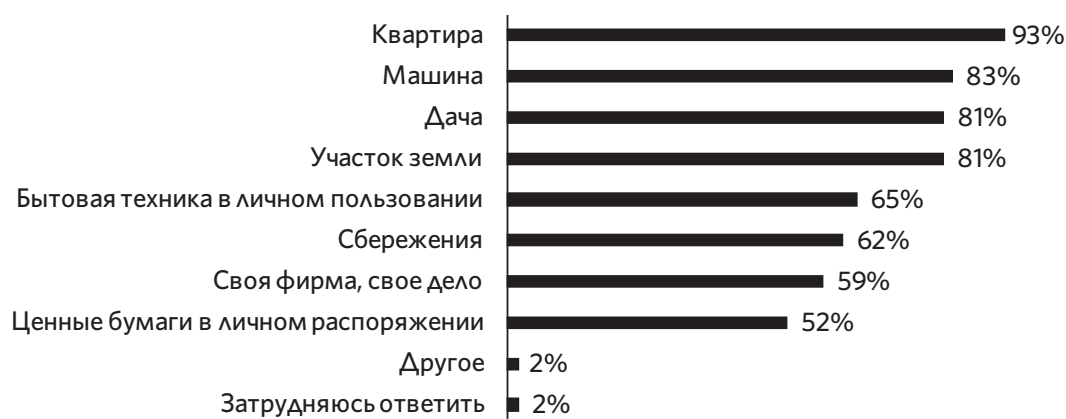

Рисунок 1. Что из перечисленного вы можете отнести к частной собственности?²⁵

Свое дело и свою фирму частной собственностью называют 59 % респондентов, ценные бумаги — половина опрошенных. Это скорее теоретические представления, потому что у очень немногих есть возможность и желание начинать свое дело или играть на фондовом рынке. Понятно, что среди тех, кто считает свое дело и ценные бумаги частной собственностью, выше процент предпринимателей, менеджеров и управленцев, руководителей, людей с высшим образованием и респондентов в возрасте 25–39 лет, — это потенциально самая динамичная прослойка российских граждан, многие из которых к тому же относятся к среднему классу по потребительским и поведенческим характеристикам ²⁶. В числе тех, кто оценивает ценные бумаги и свою фирму/дело как собственность (60 и 67 % соответственно), много москвичей. Нетрудно догадаться, что в малых городах со своими бизнес-начинаниями и ценными бумагами дело обстоит совсем плохо. Получается, что именно они являются наиболее депрессивными населенными пунктами.

Как будет показано в дальнейшем, сегодня, когда государство в высокой степени присутствует в экономике, граждане предпочитают работу по найму индивидуальной трудовой деятельности или собственному бизнесу.

Приватизация, разгосударствление, передел

Частная собственность в России не возникла из ничего, и очень редко она возникала с нуля. Процесс приватизации, как мы отметили выше, фактически был равен разгосударствлению: большинство заметных бизнесов появлялось по той причине, что нечто государственное становилось частным. Под приватизацией массовое сознание понимает прежде всего появление крупных собственников, всякий раз забывая о малой приватизации (магазинов, парикмахерских и т. п.), о передаче квартир в частную собственность. Отчасти это связано с тем, что психологически советские люди и так считали квартиру своей собственностью, а процесс приватизации жилплощади оценивали как сугубо формальный акт, констатацию изменения правил владения.

Соответственно, к крупным собственникам общественное мнение относится хуже, чем к среднему и малому бизнесу, чья деятельность почти не связывается с понятием «приватизация». Эта «хорошая» категория предпринимателей, по мнению 62 % респондентов «Левада-центра» (одинаковые цифры давали опросы 2014 и 2015 годов), приносила больше пользы (вред отметили в 2015 году только 18 %) ²⁷. Свобода предпринимательства приобрела существенное число сторонников к концу 1990-х: в 1999-м, например, о ее пользе говорили 50 % опрошенных по сравнению с 44 % в 1994 году ²⁸. Тем не менее даже к крупному бизнесу

отношение постепенно с годами улучшается. В 2015 году пользу от него заметили 47 % респондентов, вред — 33 %. В 2003 году соотношение было 37 и 51 % соответственно²⁹. Есть разница.

Судя по многолетним исследованиям «Левада-центра», понятия «приватизация» и «свобода предпринимательства» в массовом сознании если и пересекаются, то несильно. «Приватизацию» связывают с крупным бизнесом, олигархами, обманом, несправедливым распределением государственного пирога. А «предпринимательство» все-таки что-то другое — это один из видов активной и высокорисковой деятельности, причем более или менее одобряемый³⁰.

С крупной собственностью, возникшей в результате приватизации, все иначе. В 2011 году 42 % респондентов считали, что вся приватизированная собственность должна быть возвращена государству. Три четверти опрошенных отрицательно относились к планам продажи больших пакетов крупных предприятий и банков. Половина полагала, что все крупные предприятия должны принадлежать государству. При этом собственность, возвращенная государству в 2000-е годы, на самом деле была переделана правящей элитой — так считали 66 % опрошенных³¹.

Наше исследование показывает, что представления о приватизации и сегодня остаются стереотипными (рис. 2). Тройка ее бенефициаров, по мнению респондентов, — олигархи 1990-х, чиновники, крупный бизнес. Безусловный лидер (59 %) именно олигархат.

Рисунок 2. Кто выиграл от приватизации в России?³²

Одно из самых устойчивых массовых клише, навязанных за годы правления Владимира Путина, — это «лихие девяностые». И хотя уния государства и капитала лишь укрепилась в нулевые и десятые годы,

недовольство содружеством олигархов и госаппаратом перенаправляется в прошлое.

Еще одно зонтичное понятие — «семья» Бориса Ельцина, которое логически замыкает унию больших предпринимателей и больших бюрократов. «Семья» занимает четвертую позицию в списке бенефициаров с впечатляющими 24 %. Это вступает в некоторое противоречие с вышеприведенными данными 2011 года (66 % считают, что собственность в путинские годы была переделана заново). Лишь 14 % полагают, что от приватизации выиграло окружение Путина, и всего 8 % говорят в этом контексте о силовиках. Вероятно, в массовом сознании «приватизация» — это явление, жестким образом «закрепленное» за девяностыми годами.

Имидж у приватизации скверный. Многим кажется сомнительным происхождение богатства: честно богатым стать нельзя.

Соответственно, те, кто делил собственность в нулевые и десятые, не считаются группами, всерьез вовлеченными в этот процесс. То, что происходило в постельцинскую эпоху, не имеет названия, хотя словосочетание «передел собственности» относится и к окружению Путина, и к силовикам.

Олигархов считают бенефициарами приватизации все возрастные группы, но в наименьшей степени — самые молодые, от 18 до 24 лет (48%; для сравнения: группа 55+ дает 64 %). Объяснение очевидно: самая молодая группа физически дистанцирована от 1990-х и в то же время менее всех остальных интересуется политикой и историей. То же самое и с «семьей» Бориса Ельцина — лишь 16 % юных респондентов полагают, что окружение первого президента России выиграло от приватизационных процессов. Молодая когорта, напротив, в наибольшей степени видит выгоду окружения Владимира Путина от приватизации (19 %), вероятно имея в виду именно сегодняшнюю смычку власти и капитала — процессы, которые можно наблюдать в режиме реального времени. И вот уж кто точно отчетливо видит эту унию, так это предприниматели — 26 % (для сравнения: служащие составляют 14 % тех, кто заметил выгоду для путинского круга).

Кстати, опрос 2015 года показал: 42 % респондентов считали, что по сравнению с девяностыми сращивание власти и капитала пошло более активно именно в новые времена³³. Едва ли стоит полагать, что граждане доброжелательнее относятся к «переделу» нулевых и десятых годов, чем к приватизации 1990-х.

Если оценивать региональный разрез проблемы, то, согласно нашему исследованию, совершенно особняком стоят жители Москвы. Они безжалостны ко всем: 77 % считают бенефициарами олигархов (для сравнения: село — 51 %), 54 % — «семью» Ельцина (село — 20 %), 30 % — окружение нынешнего главы государства (село — 12 %). Тем самым москвичи в очередной раз подтверждают свою репутацию наиболее информированной и заинтересованной в политике части российского общества.

Что в сухом остатке? Имидж у приватизации скверный. Происхождение богатства кажется многим сомнительным: согласно данным нашего исследования (рис. 3), две трети считают, что честно богатым стать нельзя. Противоположной точки зрения придерживается лишь четверть респондентов (среди наибольших оптимистов — предприниматели, руководители, учащиеся, люди с высшим образованием и в целом самые молодые). Привычны и прочны представления о том, что крупные предприятия должны управляться государством. При этом новый «передел» гражданам не нравится в той же степени, что и процессы 1990-х.

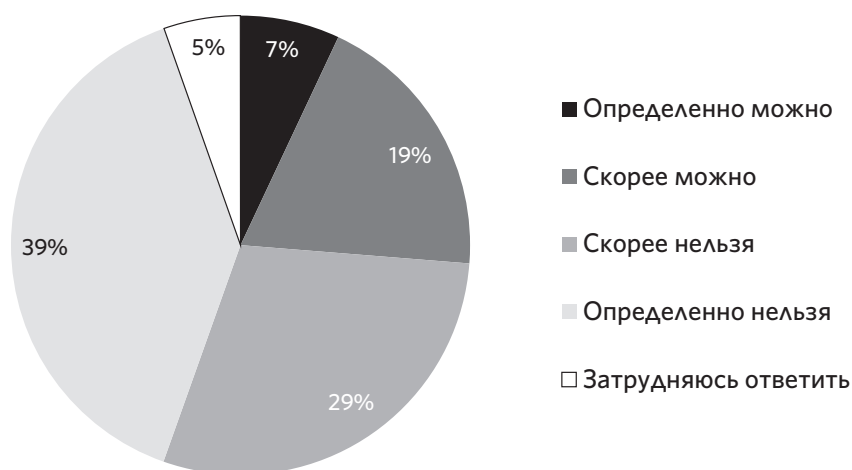

Рисунок 3. Можно ли в России честным образом разбогатеть?³⁴

Все это вовсе не означает, что средний россиянин категорически против частной собственности — и уж тем более против того, чтобы иметь собственное дело и бизнес.

Но сначала о том, что люди думают о сравнительной эффективности государства и частной собственности.

Сколько государства?

По прошествии более четверти века существования в рыночных условиях граждане России, несмотря на все сложности нового уклада, недоверие к приватизации и крупному бизнесу, в большинстве своем считают частные предприятия более эффективными, чем государственные. Согласно нашему исследованию (рис. 5), таких взглядов придерживается половина населения (иначе считают 38 %). Соотношение симпатизантов частных и государственных предприятий в среде самых молодых респондентов

составляет 62 к 26 %: для людей, родившихся и выросших при рыночной экономике, преимущества всего частного, как правило, аксиоматичны. Среди предпринимателей аналогичное соотношение: 65 к 29 %, среди учащихся — 71 к 20 %. Позитивные представления об эффективности государственных предприятий сосредоточены в наименее обеспеченных слоях населения и среди самых пожилых (особенно в группе от 65 лет и старше): учащиеся и пенсионеры, самые молодые и самые пожилые респонденты, обнаруживают диаметрально противоположные взгляды на этот вопрос.

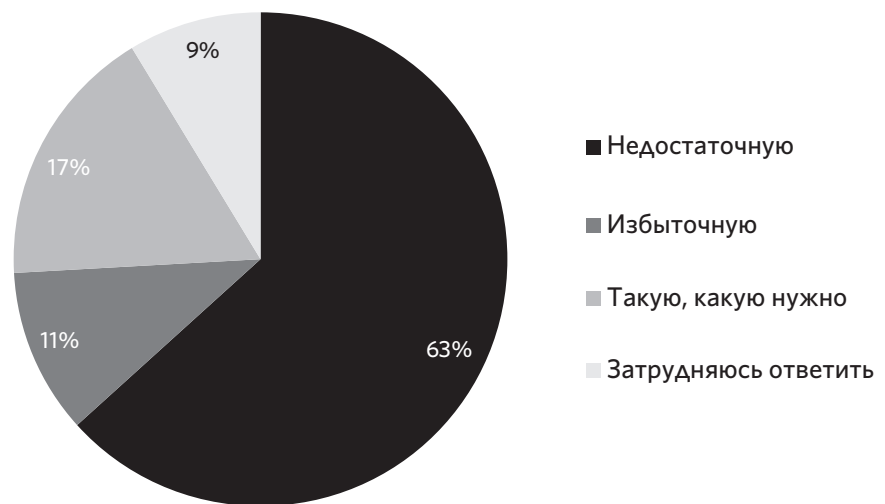

Рисунок 4. Какую роль играет государство в российской экономике?³⁵

На первый взгляд, оценка большинством респондентов эффективности частного и государственного противоречит другой их позиции: две трети опрошенных оценивают роль государства в российской экономике как недостаточную (рис. 4). Об избыточной роли говорят лишь 11 %, в то время как 17 % вполне удовлетворены сегодняшним положением дел. Во всех группах — социальных, профессиональных, доходных, гендерных и т. д. — большинство считает роль государства недостаточной.

Однако и здесь возраст, имущественное положение, место проживания, род занятий имеют значение. Роль государства склонны оценивать как избыточную следующие категории респондентов: молодые; успешные; жители больших городов, особенно Москвы; предприниматели; руководители; учащиеся.

Повторяется та же закономерность, что и в предыдущем вопросе: чем моложе респондент, чем состоятельнее, чем выше его социальная актив-

ность — тем чаще он выступает против увеличения присутствия государства в экономике.

Недавно Центр Карнеги и «Левада-центр» провели совместное исследование мнений бизнесменов. В ходе него респонденты — владельцы и управляющие российских и зарубежных компаний — выступали за сокращение государственного присутствия в российской экономике, влекущего за собой такие проблемы, как монополизм, неоправданные преференции игрокам, связанным с государством, искажение рыночной конкуренции, что в итоге ухудшает деловой климат³⁶. Всё это бизнесмены знают по опыту своей работы, которого нет у большинства российских граждан.

Рисунок 5. Какие предприятия эффективнее?³⁷

Итак, с одной стороны, люди говорят, что государства в экономике должно быть больше. С другой — те же самые люди утверждают, что государство неэффективный собственник. Как это можно объяснить? Наше предыдущее совместное исследование о готовности к переменам³⁸ показывает: массовая поддержка государственного регулирования вызвана непониманием того, как еще можно добиться улучшений социально-экономической ситуации и как в принципе работает экономика.

Базовая задача государства, с точки зрения граждан, — повышение уровня жизни (то же исследование о готовности к переменам свидетельствует, что именно это должно быть, по мнению респондентов, главной целью преобразований в стране). Такой узкосоциальный подход заслоняет все остальные сопутствующие цели. Ведь большая часть населения — люди относительно бедные, и их в первую очередь волнуют материальные

проблемы, а не высокие материи. По сути, пожелания большего присутствия государства в экономике тождественны надеждам на дополнительные социальные гарантии и помощь со стороны государственной власти.

Неважно, что государство неэффективный собственник. Важно, что государственное распределение — главный (если не единственный) понятный способ или шанс улучшения благосостояния рядового гражданина. Да, спрос на более адекватную регулятивную среду есть, как и стремление видеть в государстве источник качественных сервисов. Да, конечно, хорошо бы в такой комфортной среде с государством — «ночным сторожем» работать на себя (и уж точно, чтобы дети работали на себя, а не «на дядю»). Но это в идеале. А на практике, несмотря на высокую степень недоверия к государственным институтам и бюрократии³⁹, пусть государства будет больше как источника благ. Так вернее и понятнее. Тем более что оно все равно сильно задолжало гражданам.

Данные другого исследования «Левада-центра» об отношениях государства и граждан (август 2018 года)⁴⁰ свидетельствуют о том, что большинству россиян от государства нужна скорее забота, чем установление единых «правил игры»: соотношение здесь 62 к 30 %. Но, во-первых, эта пропорция не столь уж впечатляющая, а во-вторых, патерналистские установки постепенно сдают позиции: в 2001 году соотношение «забота — правила игры» составляло 71 к 19 %. Прогресс за 16 лет колоссальный.

Словом, принципиального неприятия самостоятельности у людей нет. Но нет и условий, которые бы могли привести к развитию креативного потенциала частного человека, — а поэтому надеяться на государство даже рационально. К тому же само государство всячески поощряет патернализм, а условия для предпринимательской и вообще любой индивидуальной активности пока лучше не становятся.

Рыночные практики или работа на государство

Иметь собственное дело или работать по найму? Рисковать или осторожничать? Брать на себя ответственность перед самим собой или быть простым исполнителем? Работать на себя с риском провала и с надеждой на успех или предпочесть зависимое, но спокойное существование с небольшим, но стабильным доходом? Это типичная дилемма постсоветского человека в новых рыночных обстоятельствах, которая нередко означает не только выбор образа жизни или способа зарабатывания денег, но и предпочтение рыночного или нерыночного способа поведения, работы в частном секторе или на государство (или «государствообразные» структуры вроде крупных компаний и банков, больше похожие на министерства, чем на частные фирмы). Не всегда готовность работать по найму отражает пассивность и инертность (и не всегда при этом имеется в виду

именно работа на государство). Нередко такая готовность служит лишь знаком того, что затевать собственное дело в сегодняшних российских обстоятельствах слишком сложно. Но подробнее об этом чуть позже. Для начала стоит ответить на несколько «философских» вопросов.

Откуда вообще берется готовность работать на себя в качестве основателя собственного дела или частной практики? Где истоки рискованного мышления и ощущения себя как собственника?

Рыночные отношения, зародившиеся еще в горбачевском СССР в конце 1980-х, естественным образом означали не только начало разгосударствления собственности, но и «приватизацию» человеком самого себя⁴¹, появление большого спектра поведенческих возможностей. Это был экономически и психологически очень сложный процесс. По сути дела, речь шла о рождении нового социального типа — частного человека. Во «Введении в чтение Гегеля» философ Александр Кожев называл это «проблемой буржуа» — человек вдруг становится хозяином самого себя, у него не было подчиненного («раба»), и в то же время он сам превращался в собственного подчиненного, совмещая в себе функции «раба» и «хозяина»: «Раб без хозяина, хозяин без раба, вот кого Гегель определяет как буржуа, владельца частной собственности...»⁴² «Итак, — продолжает Кожев, — проблема буржуа кажется неразрешимой: он должен работать на *другого* и может работать только на *себя*. Но отныне человек умеет решать эту проблему, и делает он это с помощью буржуазного принципа *частной собственности*... Он работает *на себя*... как владелец *частной собственности*... он работает на капитал»⁴³. Итальянский литературовед Франко Моретти сравнил буржуа с Робинзоном: «Работать на себя как на другого: именно так и существует Робинзон»⁴⁴.

Важным процессом, подготавливавшим изменение сознания населения, была и урбанизация. На ее чрезвычайную важность указывал еще Макс Вебер: «...Западный город как в древности, так и в России был тем местом, где совершался *переход из несвободного в свободное состояние*⁴⁵ благодаря возможности дохода, предоставляемой денежным хозяйством».

Такова мотивация буржуа в любые времена — Гегеля, Маркса, Вебера, Кожева...⁴⁶ И такая мотивация постсоветского человека: новые капиталистические обстоятельства, в которых он оказался, представлялись ему раем на земле и средоточием многочисленных возможностей для самореализации и одновременно обретения богатства.

В 1989 году, когда тогдашний ВЦИОМ (впоследствии «Левада-центр») проводил первые исследования в рамках проекта «Советский человек», даже в возрастной категории до 25 лет 35 % пред-

Нередко готовность работать по найму — лишь знак того, что затевать собственное дело в России сейчас слишком сложно.

почитали небольшой, но стабильный заработок возможности «иметь собственное дело» (15 %). В 1994 году аналогичное исследование показало ухудшение ситуации — люди столкнулись с реальным, а не воображаемым, к тому же «диким» рынком. Например, в возрастной категории 25–39 лет стремление иметь собственное дело сохранилось только у 7 % (в 1989-м таких было 13 %). Юрий Левада объяснял это явление бинарной структурой массового сознания: одно дело воображаемые, идеальные, желаемые представления о чем-либо, другое дело реальность⁴⁷.

Впрочем, помимо «собственного дела» с возникновением рыночных отношений появился популярный вариант — «много работать и хорошо получать, пусть даже без особых гарантий на будущее». И в этом смысле все-таки можно было говорить о рождении новой, буржуазной трудовой этики. Если число сторонников «небольшого, но твердого заработка» росло, достигнув в 1999 году 60 %, а доля готовых начать свое дело оставалась низкой, 6-процентной, и в 1994-м, и в 1999 году, то готовность много работать практически не изменилась: в 1989-м — 26 %, 1994-м — 23 %, 1999-м — 23 %⁴⁸.

К 2003 году в процессе восстановительного экономического роста уменьшилось число сторонников гарантированного небольшого заработка — до 54 %, осталась стабильной доля готовых много работать без гарантий — 22 % и увеличилась доля желающих рискнуть и начать собственное дело — с 6 до 10 %. Тогда же выросло число респондентов, которые заявили о том, что им «удается использовать новые возможности, начать серьезное дело, добиться в большего в жизни» — с 5 % в 1999 году до 10 % в 2003-м⁴⁹. Налицо привыкание к рыночным отношениям и увеличение адаптивности самых активных групп.

Менее нюансированные опросы, предлагавшие лишь две опции — наемную работу и собственное дело, показывали снижение числа сторонников консервативного поведения (с 57 % в 2002 году до 48 % в 2015-м) и стабилизацию доли готовых рисковать (35 % в 2002 году и 37 % в 2015-м)⁵⁰. Словом, рыночное поведение стало нормой, даже несмотря на ухудшение внешней регулятивной и экономической среды, а также на то, что в экономику начало активно возвращаться государство и в еще большей степени увеличилась привлекательность рабочих мест в госсекторе (откуда и стремление работать по найму).

Наш опрос тоже показал (рис. 6), что рыночные установки упрочились в массовом сознании. Сторонников работы по найму — 42 %, готовых начать свое дело — 30 %. Но в наше исследование мы ввели еще одну «рыночную» позицию — «быть самозанятым (заниматься индивидуальной трудовой деятельностью, частной практикой)», и она собрала 17 %. Получилось, что суммарно сторонников частного, рыночного способа существования и получения дохода чуть больше: 47 % против

42 %. В современной России по этому вопросу население разделилось на две практически равные части.

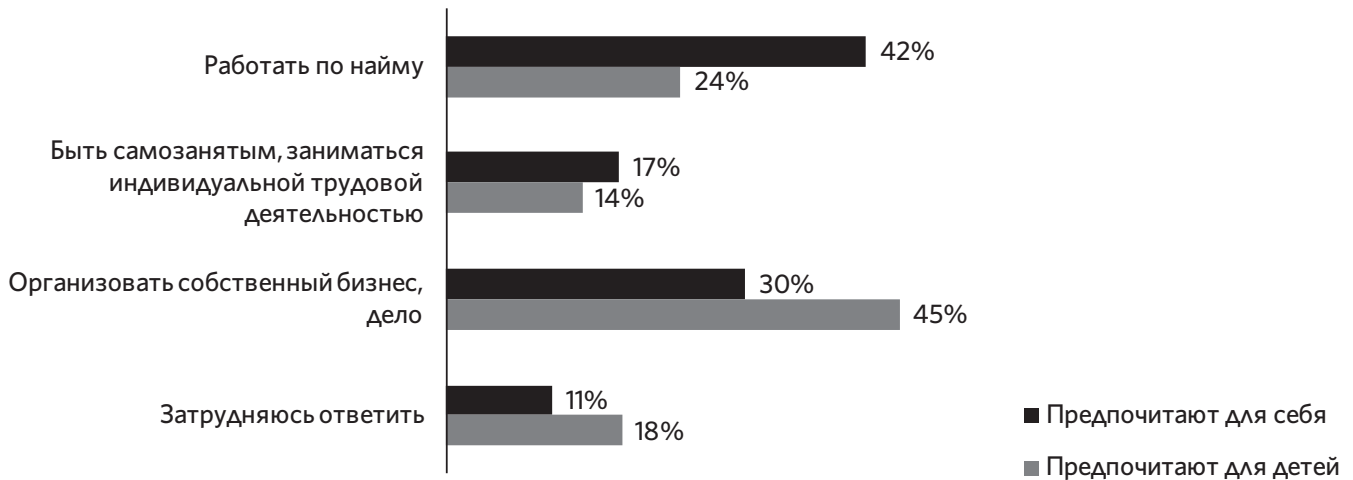

Рисунок 6. Как лучше работать?⁵¹

И это еще респонденты учитывают сегодняшние реалии. Мы спросили их, чего они хотели бы для своих детей, — а это, по сути дела, вопрос о желаемом будущем, вопрос-мечта. Тут перевес однозначный в пользу рынка: работа по найму — 24 %; самозанятые — 14 %, свое дело — 45 %. Итого 59 % — за негосударственные способы существования в будущем. Многие сегодняшние родители, бабушки и дедушки как раз хотели бы работать на себя, но не получается, обстоятельства не дают. А вот детям желали бы самостоятельной карьеры в частном секторе. Например, в возрастной категории 40–54 за наемный труд для своих детей и внуков выступает лишь четверть опрошенных, а 58 % — за самозанятость и собственное дело. В самой младшей группе соотношение в этих мыслях о желаемом будущем для потомков еще красноречивее: 16 % против 70 %.

В целом, согласно результатам нашего исследования, работать по найму предпочитают люди в возрасте (привлекательность такой работы резко растет начиная с 40 лет), со средним образованием или ниже среднего, с потребительским статусом «едва хватает на еду», то есть люди без ресурсов и, как это ни покажется парадоксальным, москвичи.

Чуть менее половины московских респондентов готовы работать по найму (даже в малых городах таких меньше), лишь четверть склоняется к тому, чтобы создать свой бизнес (в средних по размеру городах с населением от 100 тысяч до 500 тысяч человек таких около трети опрошенных). Опросы обнаруживают в столице большую долю людей, настроенных патерналистски, рассчитывающих на помощь и заботу государства, изба-

лованных «лужковскими» надбавками и подарками уже нового градоначальника. Вместо того чтобы воспользоваться возможностями столичной экономики, многие москвичи даже трудоспособного возраста ожидают от власти все новых и новых льгот, демонстрируют высокий уровень

Опросы обнаруживают в Москве большую долю людей, настроенных патерналистски, рассчитывающих на помощь государства.

иждивенчества. В остальном все предсказуемо: в среднем по России работать на себя в рыночном секторе в большей степени готовы люди молодые, образованные, с высоким потребительским статусом (могут тратить деньги на товары длительного пользования). Это предприниматели, руководители, учащиеся.

Каковы аргументы против открытия собственного дела (рис. 7)? Для кого-то это принципиальный выбор: не хочется брать на себя риски. Такого мнения придерживается четверть опрошенных. Иные согласны с утверждением, что «бизнесменом надо родиться» (10 %), другие сами выбирают «стабильность» и государственную социальную защиту (10 %). У многих просто нет желания или склонности к самостоятельности (7 %).

Однако для сопоставимого числа людей их выбор определяется внешними факторами: для работы на себя не сложились благоприятные условия — нет денег, ресурсов, связей, господдержки (23 %), нет необходимого образования и опыта (13 %), уже не тот возраст, чтобы начинать что-то самому (7 %), высокие налоги (6 %). Кроме того, благодаря особенностям российской экономики, на российском рынке труда много работников, оказавшихся в ловушке низкооплачиваемой занятости. Их еще называют работающими бедными (23,8 % рабочей силы), причем среди них есть и работающие нищие (3,4 %) ⁵². Но люди предпочитают держаться даже за такие рабочие места.

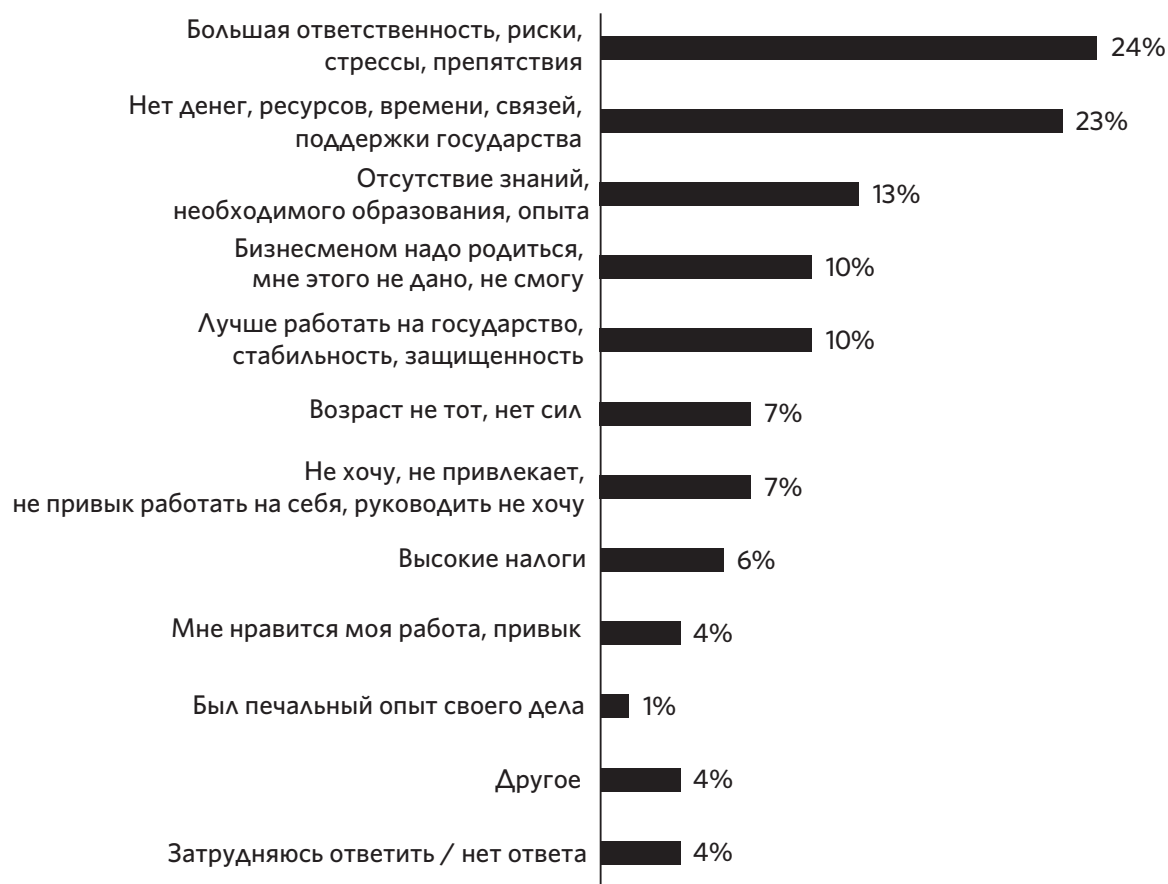

Рисунок 7. Что мешает открыть собственное дело? (открытый вопрос)⁵³

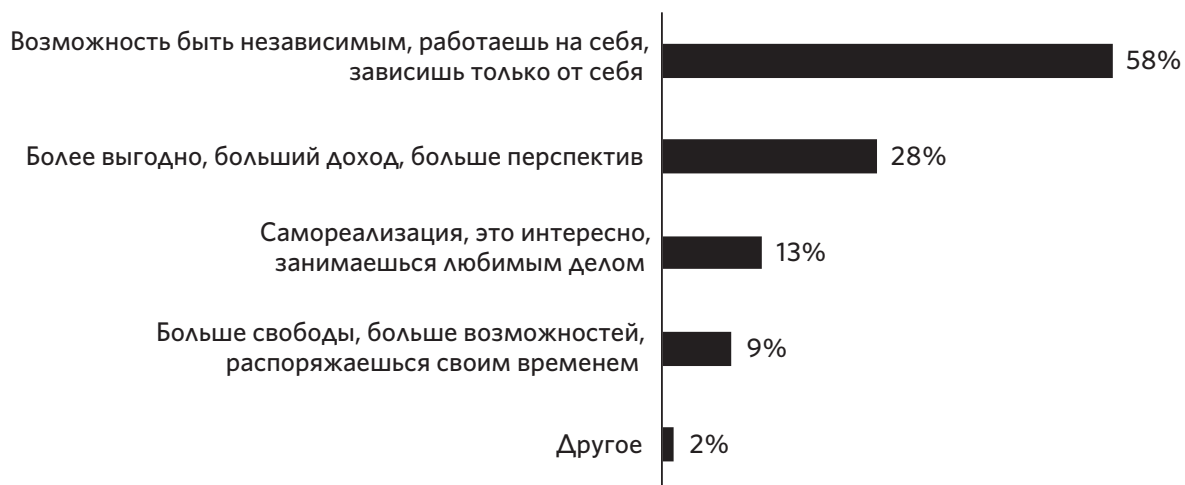

Рисунок 8. Чем привлекает возможность открыть собственное дело? (открытый вопрос)⁵⁴

Однако, сложились условия по-другому, может быть, они бы тоже смогли открыть собственное дело. 37 % опрошенных против 19 % (с противоположной точкой зрения) считают, что условия для бизнеса за последние годы ухудшились (рис. 9). В Москве это соотношение составляет 47 к 12%! И хотя это во многом лишь декларативные рассуждения, принципиального отторжения идея «работы на себя» у существенной доли респондентов не вызывает.

Рисунок 9. Как изменились условия ведения собственного бизнеса в России?⁵⁵

Предприниматели: «дух капитализма» в действии

Класс предпринимателей в нашем исследовании естественным образом предстает как главный адепт частнособственнических отношений⁵⁶. Интересны детали: например, большинство предпринимателей считает, что ограничение прав частной собственности в принципе ничем нельзя оправдать — ни военной или террористической угрозой, ни тяжелой материальной обстановкой, ни тем более строительством объектов. До половины респондентов из, как правило, вполне либерально настроенной профессиональной группы «руководители» полагают, что право частной собственности можно ограничить в условиях военной угрозы. Среди населения в целом таких около трети, из предпринимателей эту точку зрения разделяют только 27%. До половины респондентов в группе предпринимателей считает, что права собственности нельзя ограничивать ни в коем случае. И это самый высокий показатель в сравнении с дру-

гими социально-демографическими группами. Среди населения в целом этого мнения придерживаются около трети опрошенных.

Рисунок 10. Что оправдывает ограничение прав собственности со стороны государства?⁵⁷

Разумеется, среди респондентов-предпринимателей немногие, всего 7 %, готовы работать по найму. Хотели бы того же для своих детей лишь 4 % предпринимателей, в то время как 86 % высказали желание, чтобы их потомки начали собственное дело или частную практику. При этом главный мотив для занятий предпринимательской деятельностью, как и у населения в целом, не высокий доход и выгода, хотя такой стимул тоже существует, а ощущение собственной независимости, работы на себя. Мотив работы на себя назывался респондентами в четыре раза чаще мотива выгоды: 62 % против 16 %.

Среди основных препятствий, которые мешают в России заниматься своим делом, предприниматели видят следующие три: высокие налоги, низкая покупательная способность населения и общая зарегулированность и бюрократизм (население в целом отмечает несколько другие проблемы — высокие налоги и коррупцию). Эти показатели перекликаются с результатами упоминавшегося опроса представителей крупного и среднего бизнеса⁵⁸. Помимо трех указанных проблем, бизнесмены много говорили о несоблюдении права частной собственности: давлении на предпринимателей, страхе стать жертвой недружественного поглощения со стороны крупных игроков, связанных с властью, невозможности добиться защиты своих прав в суде.

Рисунок 11. Что осложняет ведение бизнеса в России?⁵⁹

Вместе с тем количественный опрос показывает, что предприниматели предъявляют спрос на соблюдение прав, которые имеют политический смысл. Среди наиболее важных: право на личную неприкосновенность, справедливый суд, неприкосновенность имущества. Важность соблюдения прав частной собственности упоминают чуть реже (всего около половины респондентов в группе предпринимателей), но это выше, чем в среднем по выборке или в любой другой социально-демографической группе.

Отметим, что участники экспертного опроса бизнесменов, говорившие о гарантиях прав собственности как необходимом условии для улучшения российского бизнес-климата, сами не всегда сталкивались с нарушением этого права напрямую. Но, как говорили они, «мы все смотрим телевизор и читаем газеты», где в ежедневном режиме транслируются истории давления на предпринимателей, нечестной конкуренции с использованием административного ресурса, заключения предпринимателей под стражу. В интервью часто звучали ссылки на такие события, как взыскание многомиллиардных сумм с АФК «Система» в пользу «Роснефти», домашний арест владельца аэропорта Домодедово Дмитрия Ка-

менщика, вынужденная продажа «Евросети» Евгением Чичваркиным и социальной сети «ВКонтакте» Павлом Дуровым и другие.

Сильное впечатление на опрошенных предпринимателей произвели случаи общего неуважения прав частной собственности со стороны государства и чиновников. Такое пренебрежение правами собственности они увидели в сносе ларьков и небольших торговых павильонов в Москве (в том числе тех, законность строительства которых была подтверждена судом); в московской программе реновации жилья, объявленной неожиданно, без предварительных консультаций с собственниками (в первоначальном варианте программы отсутствовали гарантии того, что жители сносимых пятиэтажных домов не будут переселены в отдаленные районы города), а также в сопутствующих программе рассуждениях высших чиновников о том, что считать частной собственностью, а что нет⁶⁰.

Общественное мнение воспринимает эти события гораздо спокойнее. Так, согласно опросам, чуть более половины москвичей поддержали и реновацию, и снос ларьков (однако в последнем случае неприятие действий московской власти достигло трети населения столицы)⁶¹. Результаты обсуждения этих тем на фокус-группах позволяют предположить, что в целом люди относились к программам довольно безразлично, если они не касались их напрямую. Например, вопрос о справедливости сноса ларьков по отношению к их владельцам возникал лишь во вторую очередь, если респондентов напрямую об этом спрашивали. И вот в этом случае люди были склонны вставать на сторону бизнеса, говорили о несправедливости решения властей по отношению к предпринимателям — владельцам снесенных павильонов (иными словами, потенциально гораздо больше людей готовы представить себя на месте мелкого предпринимателя). Но до того люди просто не смотрели на проблему под этим углом зрения — гораздо важнее для них оказывались вопросы общего внешнего облика города. Стоит отметить, что публично точку зрения бизнеса практически никто и не отстаивал. Если бы дела обстояли иначе, разрыв между представлениями бизнесменов и общественным мнением мог быть гораздо меньше.

Среди участников нашего количественного опроса прямое нарушение права частной собственности упомянул лишь каждый двадцатый респондент, относящий себя к предпринимателям. Вероятно, на «массовом уровне» (в отличие от экспертного) далеко не каждый предприниматель в состоянии квалифицировать подобные случаи как нарушение базовых принципов частной собственности. При этом по сравнению с населением в целом и другими социально-демографическими группами предприниматели чаще говорят о ценности для них различных прав и свобод и гораздо реже — о том, что никакие права в России не нарушаются.

Предприниматели хотят соблюдения прав, имеющих политический смысл: личную неприкосновенность, справедливый суд.

Суд упоминается предпринимателями очень часто: они понимают его ценность как инструмента защиты прав, выражают неудовлетворенность эффективностью этого института, но в то же время чаще других его используют. И они же выражают большую готовность по сравнению с другими группами использовать такие инструменты, как подписание петиций и писем, митинги, пикеты и забастовки, — демократию они трактуют в прагматическом смысле. Предприниматели обнаруживают, по крайней мере на словах, большую расположенность к активной гражданской позиции по сравнению с другими группами населения.

В нашем исследовании предприниматели демонстрируют большее понимание связи между наличием работающих демократических институтов и средой, благоприятной для развития бизнеса и экономики. Похожее впечатление производит и упомянутое исследование мнений бизнесменов. Там респонденты — в основном владельцы или управляющие крупных компаний — говорили о необходимости независимого суда, разделения властей, сдержек и противовесов для исполнительной власти, важности других демократических процедур (хотя это и не было основной темой исследования) более осознанно, чем многие политические активисты, которых приходилось опрашивать в рамках других проектов. В то же время российский бизнес не готов к открытой критике властей, публичному выражению недовольства и протеста и даже коллективным действиям по защите своих интересов. Опасаясь реакции властей, представители крупного бизнеса предпочитают договариваться с властью в индивидуальном порядке.

Защита прав: собственный опыт и представления о механизмах

Большая часть населения сосредоточена на базовых социальных темах, которые заслоняют все остальное: и нарушения прав частной собственности, и тем более проблемы политического и гражданского участия. У продвинутой публики это не так: активисты в одном из предыдущих наших совместных исследований жаловались на нарушение прав и свобод⁶², бизнесмены⁶³ во главу угла ставили отсутствие в России гарантий частной собственности. Обычные люди эти события воспринимают по-другому, отстраненно, это их не касается. А если вернуться к тому, что именно рядовые граждане понимают под частной собственностью, значительная часть просто не в состоянии квалифицировать случаи дискриминации предпринимателей как «нарушение прав частной собственности».

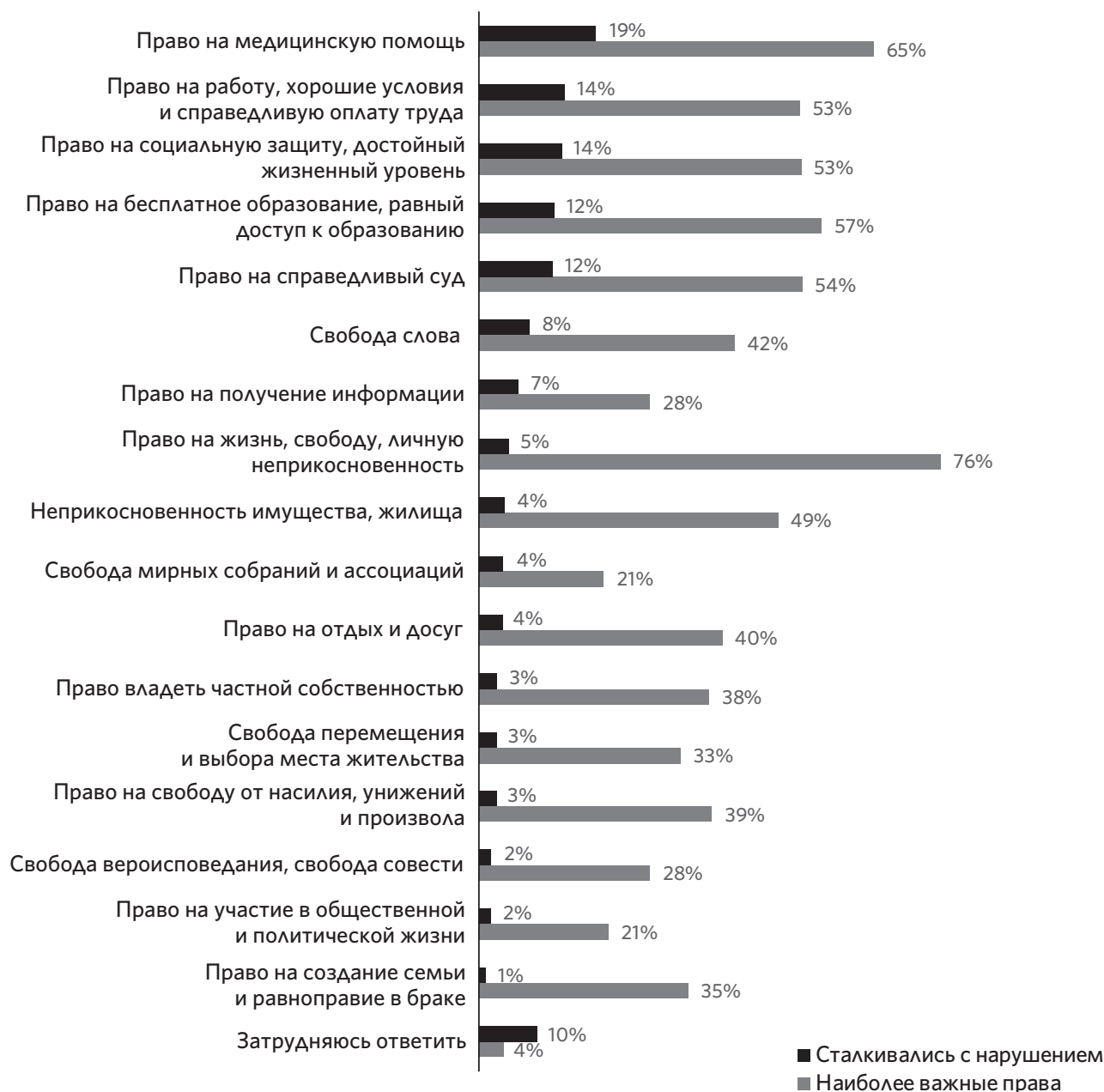

Рисунок 12. Главные права и свободы и их нарушение⁶⁴

В первую очередь людей волнует, как мы видим из опроса (рис. 12), нарушение прав на медицинскую помощь, на хорошую работу и справедливую оплату труда, на социальную защиту. Респонденты опасаются нарушения прежде всего этих своих прав, именно в этих вопросах они чувствуют себя ущемленными. И объявленная пенсионная реформа обострила эти опасения. Поэтому, возможно, людям просто не до прав собственности — эти проблемы, по их мнению, касаются других, более успешных и богатых.

Наиболее действенными способами защиты прав респонденты считают обращение в суд и к президенту (рис. 13). На втором месте по эффективности — помощь родственников, обращение в СМИ и правоохранительные органы. Меньше всего надежд на профсоюзы, политические партии и омбудсмена. Отметим, что жалоба президенту считается одним из наиболее эффективных способов привлечения внимания и последующего решения проблемы не только среди населения в целом, но и у многих гражданских активистов. Наивысшим пилотажем считается сообщить президенту о своей проблеме в прямом эфире во время «прямой линии»⁶⁵.

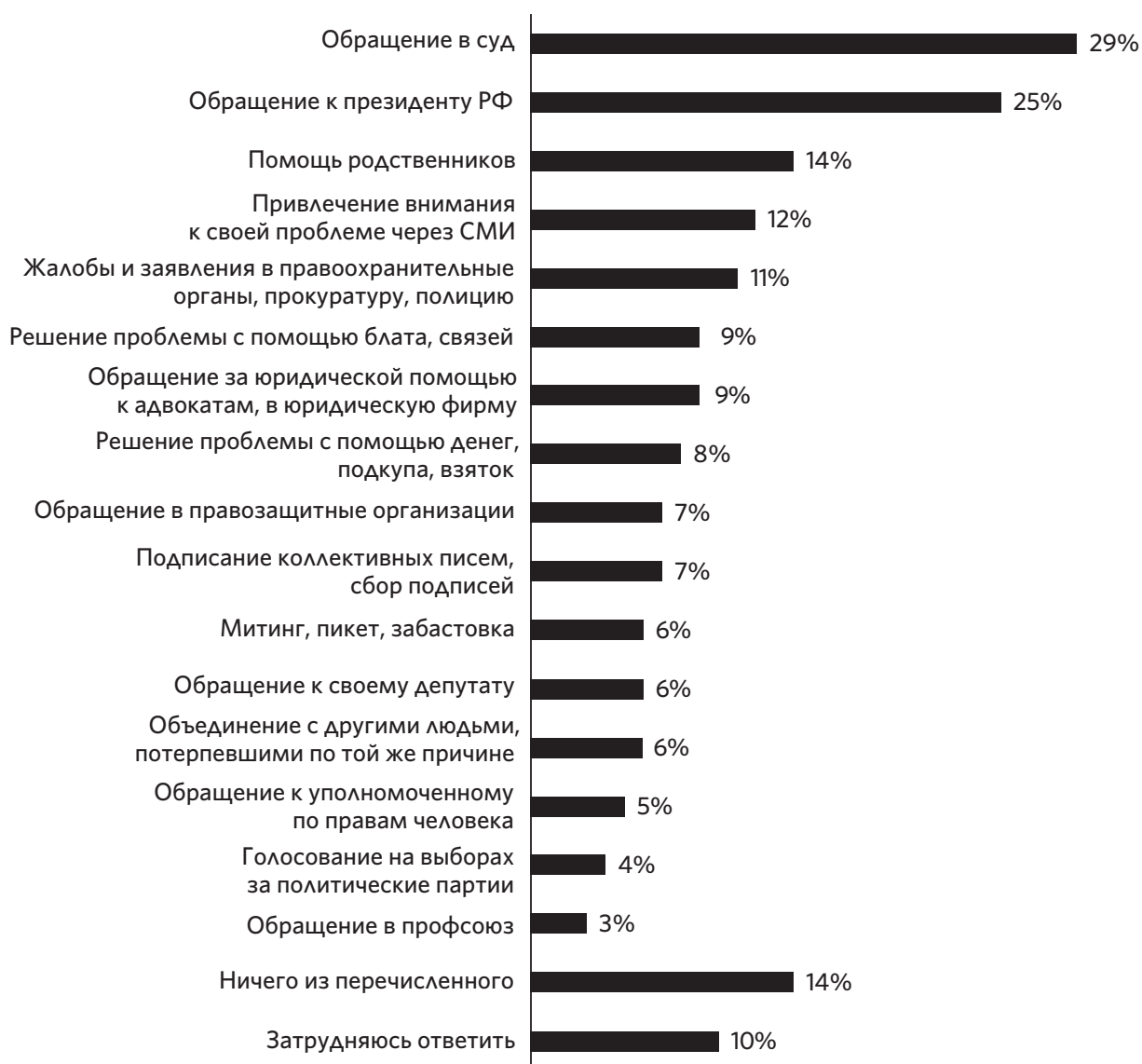

Рисунок 13. Эффективность различных способов защиты гражданских прав⁶⁶

При этом наше и другие исследования показывают, что около половины российских граждан никуда не обращались, даже если их права были нарушены (рис. 14). Так происходит прежде всего из-за широко распространенного в российском обществе неверия в возможность добиться в нашей стране справедливости⁶⁷. Поэтому лишь немногие имеют опыт обращения в полицию, суд и различные государственные органы. И все-таки в последние годы что-то начинает меняться. Все больше случаев, когда для защиты своих прав россияне оказываются готовы не только писать жалобы, но и объединяться с товарищами по несчастью, устраивать массовые митинги и обращаться в СМИ.

При этом самые яркие, хотя и не всегда результативные, массовые протесты последних двух-трех лет были связаны как раз с нарушением прав частной собственности: всероссийская стачка дальнобойщиков против создания новой системы тарифов «Платон», протесты обманутых дольщиков недостроенного жилья и митинги обманутых вкладчиков (со всеми этими людьми мы разговаривали в ходе нашего исследования гражданской активности в 2016 году). Наконец, одна из самых массовых протестных акций последних лет — митинг против реновации в Москве в мае 2017 года, на который пришли около 20 тысяч человек⁶⁸. Когда нарушение прав перестает быть чисто гипотетической проблемой и касается человека напрямую, россияне — в особенности жители крупных городов — время от времени обнаруживают способность и желание сопротивляться и используют для этого все имеющиеся в их распоряжении инструменты.

Рисунок 14. Куда обращались для защиты своих прав?⁶⁹

Вместо заключения: обрести желаемое будущее

Чем больше государство, тем сильнее его гравитация: в поле его притяжения попадает все больше людей и продуктов их активности. И эти люди, будучи реалистами, вовсе не требуют невозможного. Напротив, они готовы подстраиваться под правила игры — работать на государство и с государством. Но, как показало наше исследование, конформизм имеет границы. И эта граница — некий абстрактный горизонт, за которым начинается будущее. У россиян, оказывается, есть мечта: для своих детей и внуков граждане России выбирают среду, комфортную для ведения частного бизнеса и проявления частных инициатив. Они не знают, как приблизить это будущее, но хотели бы его обрести. И вот в этой точке подлинные интересы россиян и их представления о будущем радикально расходятся с интересами и представлениями государства, в котором они живут. Этот конфликт становится все более очевидным — он будет формировать противоречия между государством и обществом в ближайшие годы.

Примечания

- 1 Выводы совместного исследования Московского Центра Карнеги и «Левада-центра» основаны на результатах всероссийского опроса общественного мнения взрослого населения страны в возрасте 18 лет и старше, проведенного «Левада-центром» в августе 2018 года, опрошено 1600 человек, интервью проводилось методом личного интервью на дому у респондента, статистическая погрешность не превышает 3,4 %.
Также в нашем исследовании использованы результаты многочисленных опросов «Левада-центра» и данные, полученные в ходе углубленных интервью в рамках работы Дениса Волкова и Андрея Мовчана «Неполитические реформы. Исследование мнений бизнесменов» (<https://carnegie.ru/2018/09/27/ru-pub-77353>).
- 2 *Колесников А., Волков Д.* Самоорганизация гражданского общества в Москве. — М.: Московский Центр Карнеги, 2016 // <https://carnegie.ru/2016/12/14/ru-pub-66437>
- 3 *Трудовлюбов М.* Люди за забором. Частное пространство, власть и собственность в России. — М.: Новое издательство, 2015. — С. 152.
- 4 *Венедиктов А. В.* Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. II. — М.: Статут, 2004. — С. 10.
- 5 Подробнее о том, как работают в современной российской политической системе подобного рода модели, см.: <https://carnegie.ru/2018/04/05/ru-pub-75989>
- 6 *Кордонский С. Г.* Сословная структура постсоветской России. — М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2008. — С. 71.
- 7 Андрей Белоусов ответил на анекдот Владимира Лисина. — Коммерсантъ. — 13 ноября 2018 // <https://www.kommersant.ru/doc/3712152>
- 8 *Венедиктов.* Избранные труды по гражданскому праву. С. 89.
- 9 Там же, с. 91.
- 10 *Квинт Гораций Флакк.* Оды. Эподы. Сатиры. Послания. — М.: Художественная литература, 1970. — С. 365.
- 11 Дерипаска: «Я не отделяю себя от государства. Мне незачем оправдываться». — Newru.com. — 13 июля 2007 года // <https://www.newsru.com/finance/13jul2007/deripaska.html>
- 12 *Пайтс Р.* Россия при старом режиме // http://lib.ru/HISTORY/PAJPS/oldrussia.txt_with-big-pictures.html#
- 13 *Явлинский Г.* Нерешенный вопрос: как узаконить частную собственность в России. — РБК. — 28 февраля 2018 // <https://www.rbc.ru/opinions/politics/28/02/2018/5a968e8e9a79471c26da0375>
- 14 *Кордонский.* Сословная структура постсоветской России. С. 37.
- 15 На эту проблему государств так называемого ограниченного доступа к ренте обращали внимание Норт, Уоллис и Вайнгайт: «Создание ренты, ограничение кон-

- курении и доступа к организациям определяют природу государства, его институтов и функционирование общества». *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. — М.: Издательство Института Гайдара, 2011. — С. 63.
- 16 Цит. по: *Венедиктов.* Избранные труды по гражданскому праву. С. 261.
- 17 «Я не самый удачливый инвестор». — Ведомости. — 23 апреля 2018 года // https://www.vedomosti.ru/management/characters/2018/04/23/767486-ne-samii-investor#_
- 18 *Трудолобов.* Люди за забором. С. 218.
- 19 Как складывается карьера детей российских чиновников. — РБК. — 6 июня 2017 года // https://www.rbc.ru/photoreport/06/06/2017/58b416609a7947e593629ec0?from=right_8. Болгарский политолог Иван Крастев часто говорит и пишет, что преемником Путина станет не конкретный человек, а «поколение»: «Putin's conviction that Russia needs not a single successor — as it did under Boris Yeltsin — but a successor generation. He sees the coming transition as a transfer of power from his generation to the “Putin generation”, comprising politicians who came of age during, and have been shaped by, Putin's rule» // http://www.ecfr.eu/publications/summary/the_arrival_of_post_putin_russia
- 20 Римское частное право / Под ред. проф. И. Б. Новицкого и проф. И. С. Перетерского. — М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948. — С. 25.
- 21 *Гроссман В. С.* Собрание сочинений в 4 т. Т. IV. Повесть. Рассказы. Очерки. — М.: Аграф; Вагриус, 1998. — С. 303.
- 22 Россия будет расширять пространство свободы, заявил Путин. — РИА «Новости». — 25 мая 2018 года // <https://ria.ru/spief/20180525/1521377967.html>
- 23 *Лезов С.* Миф о правовом государстве. — Октябрь. №3. 1991. — С. 141.
- 24 В работе «История хозяйства» Макс Вебер, описывая происхождение капиталистических институтов, писал: «Главным следствием рецепции римского права было то, что оно приучило к *формально-юридическому мышлению*». *Вебер М.* История хозяйства. Город. — М.: Канон-пресс-Ц, 2001. — С. 309.
- 25 Вопрос: «Что из перечисленного вы можете отнести к частной собственности?» Можно было выбрать несколько вариантов ответа.
- 26 Как говорил один из героев «Волшебной горы» Томаса Манна: «Образование и собственность — вот что такое буржуа. Вот непоколебимые основы либеральной всемирной республики!» (*Манн Т.* Волшебная гора. — М.: АСТ; Астрель, 2011. — С. 588).
- 27 Польза от бизнеса в представлениях россиян. Пресс-выпуск. — Левада-центр. — 18 июня 2014 // <https://www.levada.ru/2014/06/18/polza-ot-biznesa-v-predstavleniyah-rossiyan/>; Бизнес и власть. Пресс-выпуск. — Левада-центр. — 11 ноября 2015 года // <https://www.levada.ru/2015/11/11/biznes-i-vlast/>
- 28 *Левада Ю. А.* Сочинения. Проблема человека. — М.: Издатель Карпов Е. В., 2011. — С. 113.
- 29 Бизнес и власть...
- 30 Еще в 1991 году данные ВЦИОМа (впоследствии «Левада-центра») показывали, что граждане положительно относятся к развитию частной собственности, особенно в малых формах, но не слишком готовы к тому, чтобы самим стать собственниками. Владимир Мау тогда так оценивал эти данные: «...Основной причиной такого отношения выступает, впрочем, не столько опасение непоследовательности политики государства, сколько отсутствие начального капитала и необходимых навыков» (*Мау В. А.* Сочинения. Т. 4. Экономика и политика России. Год за годом (1991–2009). — М.: Дело, 2010. — С. 38).

- 31 Россияне о государственной собственности и промышленности. Пресс-выпуск. — Левада-центр. — 30 ноября 2011 года // <https://www.levada.ru/2011/11/30/gossiyane-o-gosudarstvennoj-sobstvennosti-i-promyshlennosti/>
- 32 Вопрос: «По вашему мнению, кто выиграл от приватизации в России?» Можно было выбрать несколько вариантов ответа.
- 33 Бизнес и власть...
- 34 Точная формулировка вопроса: «Можно ли, на ваш взгляд, честно стать богатым в России?» Можно было выбрать один вариант ответа.
- 35 Точная формулировка вопроса: «Если говорить в целом, как вы считаете, какую роль сегодня играет государство в российской экономике: недостаточную, избыточную или такую, какую нужно?» Можно было выбрать один вариант ответа.
- 36 *Мовчан А., Волков Д.* Неполитические реформы. Исследование мнений бизнесменов. — М.: Московский Центр Карнеги, 2018 // <https://carnegie.ru/2018/09/27/gu-pub-77353>
- 37 Точная формулировка вопроса: «По вашему мнению, какие предприятия осуществляют свою деятельность более эффективно — частные или государственные?» Можно было выбрать один вариант ответа.
- 38 *Колесников А., Волков Д.* Мы ждем перемен. Есть ли в России массовый спрос на изменения? — М.: Московский Центр Карнеги, 2017 // <https://carnegie.ru/2017/12/05/gu-pub-74906>
- 39 Суммарно 86 % респондентов считают, что элиты, в том числе выборные, и руководители не считаются с интересами обычных людей // Граждане и государство. Пресс-выпуск. — Левада-центр. — 23 августа 2018 года // <https://www.levada.ru/2018/08/23/grazhdane-i-gosudarstvo-2/>
- 40 Там же.
- 41 *Левада.* Сочинения. С. 64.
- 42 *Kojeve A.* Introduction to the Reading of Hegel: Lectures on the “Phenomenology of Spirit” / Assembled by R. Queneau, edited by A. Bloom. — Ithaca, NY: Cornell University Press, 1969. — P. 63.
- 43 *Ibid.*, p. 65.
- 44 *Моретти Ф.* Буржуа между историей и литературой. — М.: Издательство Института Гайдара, 2014. — С. 49.
- 45 *Вебер.* История хозяйства. С. 362.
- 46 Как писал Герберт Уэллс в 1909 году, образовался «класс, который думал, мечтал и говорил только о собственности». Цит. по: *Хобсбаум Э.* Разломанное время: культура и общество в двадцатом веке. — М.: АСТ; Corpus, 2017. — С. 160.
- 47 *Левада.* Сочинения. С. 80–81.
- 48 Там же, с. 129.
- 49 Там же, с. 416–417.
- 50 Бизнес и власть...
- 51 Точная формулировка вопросов: «Если бы вы могли выбирать, как бы предпочли работать — по найму, быть самозанятым или организовать собственный бизнес?» и «Что бы вы предпочли — чтобы ваш сын (дочь, внук) работал (-а) по найму, был (-а) самозанятым (-ой) или организовал (-а) собственный бизнес?». В каждом вопросе можно было выбрать только один ответ.
- 52 *Гимпельсон В., Капелюшников Р., Шарунина А.* Низкооплачиваемые рабочие места на российском рынке труда: есть ли выход и куда он ведет? // https://wp.hse.ru/data/2018/08/23/1154874736/WP3_2018_05_____.pdf; *Аптекарь П.* Есть ли

- выход из ловушки рабочей бедности. — 7 сентября 2018 года // <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/09/07/780190-vihod-iz-lovushki-bednosti>
- 53 Точная формулировка вопроса: «Почему вас не привлекает возможность вести собственное дело/быть самозанятым?» Открытый вопрос: варианты ответов не предлагались, ответы записывались со слов респондентов.
- 54 Точная формулировка вопроса: «Чем вас привлекает возможность иметь собственное дело/быть самозанятым?» Открытый вопрос: варианты ответов не предлагались, ответы записывались со слов респондента.
- 55 Точная формулировка вопроса: «Как вы считаете, за последние 10–15 лет условия ведения собственного дела/бизнеса в России улучшились, ухудшились или остались без изменений?» Можно было выбрать один вариант ответа.
- 56 В количественном опросе группа «предпринимателей» (тех, кто сам себя относит к этой категории) составляет меньше 100 человек, поэтому погрешность в ответах этой категории респондентов больше.
- 57 Точная формулировка вопроса: «Чем может быть оправдано ограничение государством ваших прав, включая право частной собственности?» Можно было выбрать несколько вариантов ответа.
- 58 *Мовчан, Волков.* Неполитические реформы // <https://carnegie.ru/2018/09/27/gu-pub-77353>
- 59 Точная формулировка вопроса: «Что из перечисленного, по вашему мнению, особенно осложняет занятия собственным делом/бизнесом в России?» Можно было выбрать несколько вариантов ответа.
- 60 См., например, интервью вице-преьера И. Шувалова радиостанции «Эхо Москвы» 2 июня 2017 года // <https://echo.msk.ru/programs/beseda/1992020-echo/>
- 61 Инициативы и проблемы в Москве. — Левада-центр. — 8 сентября 2017 года // <https://www.levada.ru/2017/09/08/initsiativy-i-problemy-v-moskve/>
- 62 *Колесников, Волков.* Самоорганизация гражданского общества...
- 63 *Мовчан, Волков.* Неполитические реформы // <https://carnegie.ru/2018/09/27/gu-pub-77353>
- 64 Точная формулировка вопросов: «Какие из прав и свобод, по вашему мнению, наиболее важны?» и «С нарушением каких из следующих прав вы сталкивались за последние пять лет?» Можно было выбрать в каждом случае несколько вариантов ответа.
- 65 *Колесников, Волков.* Самоорганизация гражданского общества...
- 66 Точная формулировка вопроса: «Какие из следующих способов защиты своих прав вы считаете наиболее действенными?» Можно было выбрать несколько вариантов ответа.
- 67 См., например: Общественное мнение о проблемах защиты прав и свобод человека в России. — Вестник общественного мнения. 2017. № 3–4. — С. 197–247.
- 68 *Сошников А.* Митинг против реновации стал вотумом недоверия властям Москвы. — Русская служба ВВС. — 14 мая 2017 года // <https://www.bbc.com/russian/news-39916464>
- 69 Точная формулировка вопроса: «Обращались ли вы когда-либо напрямую для защиты ваших прав в следующие организации или к следующим лицам?» Можно было выбрать несколько вариантов ответа.

Московский Центр Карнеги

Московский Центр Карнеги более 20 лет служит одним из самых авторитетных источников аналитической информации о России и странах бывшего СССР.

Публикации Московского Центра Карнеги выходят на русском и английском языках и охватывают широкий круг вопросов — от внутренней политики и тенденций развития общества до внешнеполитической повестки и проблем нераспространения ядерного оружия.

Центр привлекает самых разных специалистов, объединенных приверженностью принципам научного подхода и объективного анализа. Наши эксперты не только превосходно разбираются в специфике местных реалий, но и видят их в глобальной перспективе.

Фонд Карнеги за Международный Мир был учрежден Эндрю Карнеги в 1910 году. Основная задача Фонда — содействие сотрудничеству между странами. В своей деятельности Фонд опирается на работу исследователей и специалистов из региональных центров Карнеги в Бейруте, Брюсселе, Вашингтоне, Дели, Москве и Пекине.

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОГО ЦЕНТРА КАРНЕГИ

**НОВАЯ РУССКАЯ МЕЧТА:
ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ ДЛЯ ДЕТЕЙ**

Денис Волков, Андрей Колесников

Редактура и корректура *бюро ТХТ (www.txtburo.com)*

Дизайнер русскоязычной версии *Я. Красновский*

Компьютерная верстка *Ю. Мосягин*

Фото на обложку: *shutterstock.com*

Подписано в печать 19.11.2018

Формат 60x90 1/8. Печать цифровая. Бумага офсетная.

Гарнитура Garamond Premier Pro.

Усл. печ. л. 5,5

Тираж 200 экз.

Издатель: ИП Пахомова Елена Алексеевна

Россия, 125040, Москва,

Ленинградский проспект, 11-28

classick21@gmail.com

Московский Центр Карнеги

Россия, 125009, Москва,

Тверская ул., д. 16 стр. 1

Тел.: + 7 (495) 935-89-04

Факс: + 7 (495) 935-89-06

Email: info@carnegie.ru

www.carnegie.ru

БЕЙРУТ БРЮССЕЛЬ ВАШИНГТОН ДЕЛИ МОСКВА ПЕКИН

ГЛОБАЛЬНАЯ
ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

Carnegie.ru